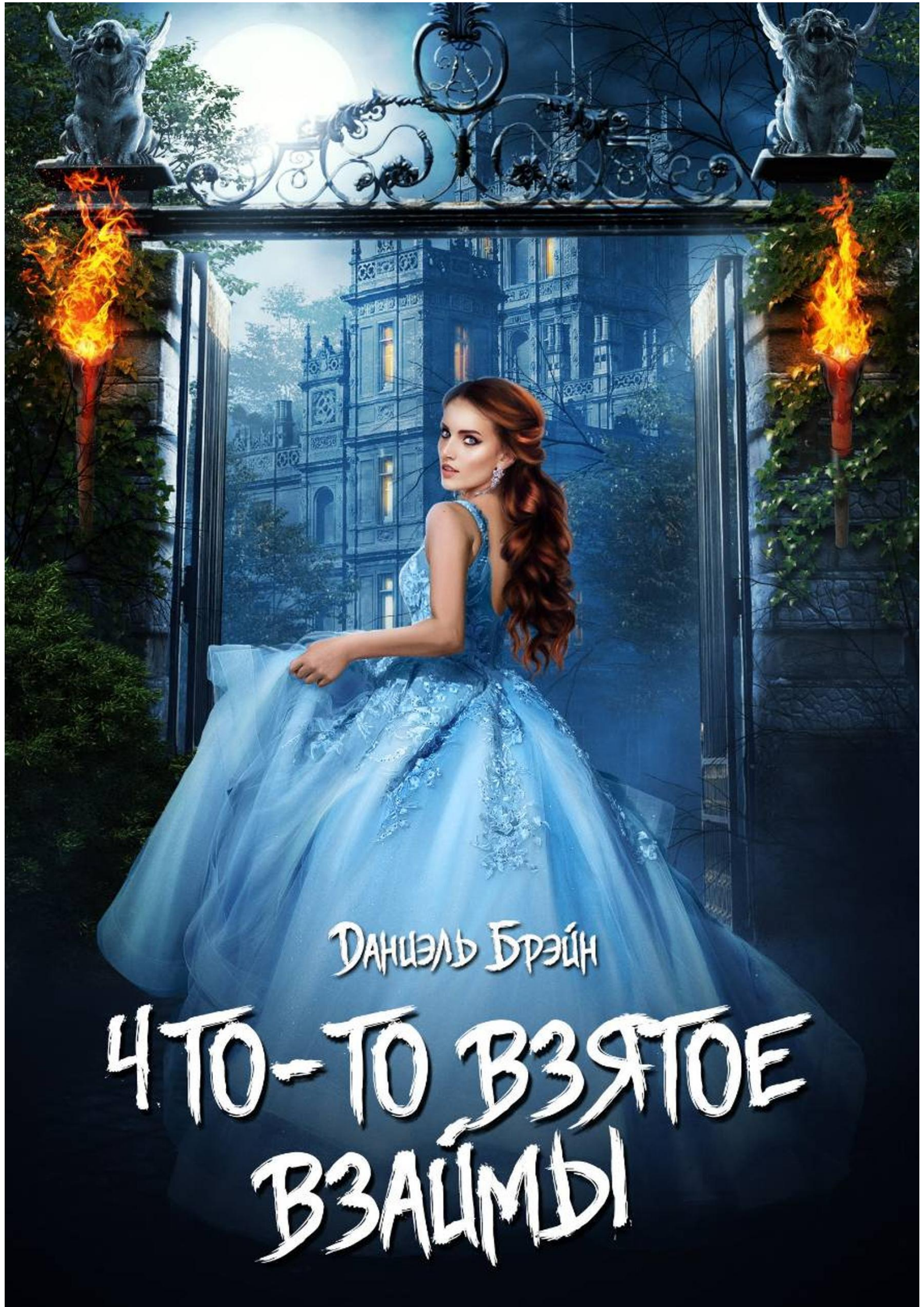
Даниэль Брэйн
Что-то взятое
взаймы

Я иду искать. Детективное фэнтези

Даниэль Брэйн

Что-то взятое взаймы

«Автор»
2026

Брэйн Д.

Что-то взятое взаймы / Д. Брэйн — «Автор», 2026 — (Я иду искать. Детективное фэнтези)

Призраки не живут там, куда их упорно селит человеческая фантазия. В старых заброшенных зданиях их нет. Они не опасны, хотя и могут досаждать. Ни один призрак еще не убил ни одного человека. С этой убежденностью я отправилась разгадывать тайны — и еще потому что мне хорошо заплатили новые владельцы старинного особняка, а деньги лишними не бывают.Я ошиблась в каждом из заявленных утверждений. Кроме последнего.

© Брэйн Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Что-то взятое взаймы

Глава 1

Рабочий день подходил к концу, охранник вдали гремел ключами, за тонкой стенкой остервенело гудел осипший фен, и клиентов у меня сегодня снова не было. Где-то уже совсем под вечер под моей пугающе алой вывеской задержалась парочка, и девушка предложила своему парню зайти, на что он четко и громко возразил:

– Совсем, что ли, с ума сошла? – и они ушли.

Все так, люди без бед с башкой ко мне не ходят. Я выбила пальцами непонятную дробь по крышке стола, поправила в настройках рекламы пару цифр и закрыла ноутбук. Без малейшего напряжения я отбила аренду проклятого салона на таргете за шесть рабочих дней и в который раз пришла к выводу, что нужно с салоном завязывать.

Несмотря на то, что мне нравится радовать людей, они, похоже, этому абсолютно не рады и денег платить мне не хотят.

Очередное обещание взглянуть правде в глаза, посмотреть на деньги, которые я могу потратить на себя любимую, и признать, что я прекрасно обойдусь заработками таргетолога, маркетолога и копирайтера. Время, которое я трачу на дорогу из дома до торгового центра, я оставлю на сон. И прекращу отдавать в соседнем салоне красоты несколько тысяч за укладку и эффектный маникюр, потому что мне достаточно «крабика» в волосах и регулярного гигиенического ухода за ногтями. Можно продать таинственные платья и отправиться на пару недель на Алтай, моей работе путешествие помехой не будет.

Я выдвинула ящик стола, нащупала «крабик» и скрутила надоевшие за день распущенные волосы, затем поднялась и пошла за ширму. Темно-синий шелк со светящимися в полутьме разводами призван был скрывать от клиентов прозаическую микроволновку, чайник и висящие на крючке джинсы и худи, ну и заодно скрывать меня, когда мне нужно было переодеться.

Пока я стаскивала шикарное платье в стиле «бохо» – а не продам его сейчас, этот стиль выйдет из моды, напомнила я себе – шаги в коридоре стали отчетливей и угасли прямо напротив моей двери. Я, путаясь в подоле, прокричала:

– Да-да, дядь Сереж, я тут!

Ширма была под потолок, охранника я не видела, но по тому, что он не уходил, я сообразила, что он ждет, пока я выползу и помогу ему с очередным капризным приложением на смартфоне. Охранник был веселым улыбчивым дядькой, позитивным и добрым, и его искренне любили все арендаторы, в отличие от его напарника, который только ходил и рявкал. Я, ловко прыгая, натянула джинсы, сунула ноги в кеды, голову – в худи и вышла из-за ширмы, продевая руки в рукава, но под вывеской топтался не дядя Сережа.

Когда классик писал «юноша бледный со взором горящим», он совершенно не то имел в виду. Поэзией тут даже не пахло.

– Вы ко мне? – холодно осведомилась я. Вид у парня был официальный, костюм и галстук, что намекало – он не клиент. Наверное, из налоговой.

– Вы Тереза? – спросил парень, щурясь и пытаясь меня рассмотреть. В коридоре тоже было полутемно, но у меня мрак был тем более антуражный. – То есть…

– Это смотря зачем вы пришли, – хмыкнула я. Настроение немного улучшилось, потому что налоговый инспектор не назвал бы меня по псевдониму. – Но садитесь, я сейчас свет включу.

Я шлепнулась в кресло, пошарила под столом и зажгла замаскированную в потолке лампу. Кабинет залил яркий свет, парень совсем заморочено захлопал глазами, я подождала, пока он проморгается и на ощупь найдет куда сесть.

– Анна, – поправился парень, усаживаясь и продолжая моргать. Для него резкое изменение освещения было болезненным, но я пока не давала понять, что что-то об этом знаю. – Я Вадим Ремезов, частный детектив.

Перед моими глазами появилось зеленоватое заламинированное удостоверение, и мне пришлось прищуриться и кое-как сличить две физиономии. Они были похожи, хотя на фото мой гость выглядел совсем бледно. Я откинулась на спинку кресла, поджала губы и снова выбила пальцами дробь, на этот раз по крышке ноутбука.

– Сожалею, но нет, – проворчала я. – За чем бы вы ни пришли, вы мимо.

– Почему? – искренне удивился Вадим.

– Ну, – я закусила губу, размышляя, быть ли с ним вежливой или как обычно. – Вы сами выбрали себе работу, где каждый имеет полное и законное право выставить вас вон. Я вас выставлять не собираюсь, но и сообщать какую-либо информацию о третьих лицах не намерена.

Вадим нахмурился, а я рассматривала его все с большим интересом. Таких, как он, я, пожалуй, не видела за всю свою жизнь, и меня занимало, как он справляется с обычными человеческими реакциями и насколько они ему удаются. Справляется отлично, непосвященный ничего не заметит.

– Вы юрист? – растерялся Вадим.

– Угу. Правда, отработала всего пару лет, это скучно. И сейчас зарабатываю больше.

– Как гадалка?

С этой деятельностью, бесспорно, пора завязывать, издеваются все кому не лень.

– Вообще нет. Как маркетолог, таргетолог и копирайтер, – безразлично парировала я. Любопытство мое все-таки победило, и, возможно, Вадим на это и рассчитывал. – Только не говорите, что пришли ко мне из-за кого-то из моих клиентов. Я не продаю зелья, амулеты и все, что подпадает под определение «товары». Только услуги.

– Таро?

Он неплохо освоил технику допроса, подумала я, но покачала головой.

– Таро, натальные карты, астрология, просто карты…

– Вы все это знаете?

– Я что, на дуру похожа? – кротко спросила я. – Хотите кофе? Не крутите головой, я не выну кофеварку из шляпы, у меня за ширмой все есть. Кто учит всю эту ерунду, да и каким образом, это же развлекалово, каждый изгаляется во что горазд, главное – понимать, что нужно клиенту… А иначе можно карьеристке нагадать семью и шестеро детей, ну или наоборот, не то чтобы она не заплатит, но человек отсюда должен уходить воодушевленным… А не разочарованным в жизни. Все это так, считайте, хобби, фантазия, творчество, но за деньги. Ноготочки, декупаж, таро.

Я, не переставая тараторить, засыпала кофе, поставила чашки, щелкнула кнопкой на кофеварке и тут же вернулась. Убедить себя, что моя вторая работа приносит удовлетворение хоть кому, кроме арендодателя, не получилось, и мне самой впору было бежать к гадалке в уверенности, что у нее-то точно наука. Ха-ха.

– Кстати говоря, я все равно никого из клиентов не помню. Так что попьем кофе и по домам, – я уселась в кресло и вытянула под столом ноги.

Кабинет погрузился в тишину. Я грустила, осознавая, что придется искать себе новое дело по душе. Вести блог? Уже пыталась, мне нечего людям рассказать. Фотографии? У меня совершенно нет чувства пространства и вкуса. Книжки писать? Господи боже, о чем, да и сколько времени на это все нужно?

– Я пришел к вам не из-за клиентов, – сказал Вадим, досадливо морщась, – не из-за ваших клиентов, я имею в виду. Я пришел к вам, потому что вы оборотень.

День окончательно перестал быть прекрасным, но виду я не подала, лишь прислушалась – что там у соседей и не ходит ли кто по коридору. Но девочки уже закрыли салон и хихикали, прибираясь, и коридор был пуст.

– Смешно, – согласилась я тоскливо. – В погонах?

– Я не знаю, где вы работали по специальности, – вернул мне шпильку Вадим, – может, были в погонах. Мне сказали, кто вы, что можете мне помочь.

– Кто сказал? Обычно женщин награждают другими эпитетами, ну там стерва, змея…

– Вы не сдаете своих клиентов, я – своих, – ответил Вадим неожиданно резко, чем сильно набрал себе баллы. Если бы он назвал мне тех трех человек, которые знали, кто я такая, и не то чтобы их можно было в самом деле назвать людьми… Если бы он назвал их, я бы точно указала ему на дверь. – Мне нужна помощь… человека, который может… больше, чем остальные. Кстати, я всегда считал, что у вас зеленые глаза.

– Это линзы, – я расслабилась, потому что мне тоже было чем крыть. – Наука сильно облегчила нам жизнь, неприятно, когда все на тебя пялятся. Допустим, я догадываюсь, кто вам обо мне сказал, но что бы ни случилось, почему вы не можете справиться сами, вы же эльф?

– Я полукровка, – Вадим оглянулся на дверь и понизил голос. – Даже так – моя мать эльф только наполовину.

– Жить сто пятьдесят лет тоже неплохо, – с завистью фыркнула я. – Хотя и проблематично, – я поднялась и все-таки закрыла дверь, заодно погасила вывеску. – Так зачем вы пришли, чего вам от меня надо?

Я не знала, где пределы возможностей эльфов, хотя они изначально были невелики. Долгожительство, лет двести-двести тридцать, иногда двести пятьдесят, соответственно, старели они намного медленнее, и Вадиму могло быть как двадцать пять, так и пятьдесят. Считалось, что эльфы способны к целительству и что именно они научили людей травничеству, но это было больше легендой, чем чем-то доказанным. Эльфы довольно долго обходились без сна и еды пропорционально потребностям обычного человека. Если человеку нужно спать каждые десять-двенадцать часов, то эльфы без труда бодрствовали часов тридцать.

Вадим покашлял. Кофеварка давно пропищала, и мне пришлось отлепиться от кресла, сходить за ширму и принести кофе. Вадим принял чашку с благодарным кивком, но пить не стал. Возможно, ждал, пока остынет, но это было свойственно и людям – обычно. Обжигаться и не чувствовать вкус, а только боль, имеет смысл, лишь когда у тебя эту еду кто-то грозится вырвать прямо изо рта.

– Вы слышали про особняк Березиных?

Я помотала головой.

– Заброшка, в середине прошлого века там был то ли санаторий, то ли пансионат, закрыли его в восьмидесятых. Здание выкупили, потом еще раз, теперь перекупили снова, хотят отреставрировать и сделать загородный отель.

Я посмотрела на чашку, хотела выбить пальцами дробь, но передумала. Слова моего визитера прозвучали как приятное техническое задание, и в нем было хоть какое-то творческое начало. От необходимости выдумывать тексты рекламных объявлений я уже начинала выть – опять же, это не имело никакого отношения к тому, кто я есть. Любой взвоет, когда ему принесут уникальный товар в ассортименте, а на резонный вопрос «вообще – что это?» пожмут плечами и посоветуют погуглить и придумать что-нибудь.

– Зачем я вам нужна? – перебила я. – Как оборотень, как гадалка? Если надо наполнить им сайт, я соглашусь. Могу разместить рекламу. Хотите, придумаю легенду этого места, будет круто?

– Мне предложили миллион, если я разберусь, что там происходит, – сказал Вадим. – Я обратился к вам, стало быть, ваши пятьдесят процентов, что справедливо. У здания нет предыстории, вообще никакой. Построили его в конце девятнадцатого века, хозяева удрали со всем барахлом в феврале семнадцатого года, в двадцатых годах был детский дом, в пятидесятых годах дом передали какому-то ведомству, оно не справилось – ни газа, ни отопления, это сейчас технологии позволяют и разместить солнечные батареи, и провести септик, и пробить скважину, плюс красивые заповедные места.

– Звучит очень оптимистично, – я почесала бровь. Это касалось пятисот тысяч, за эти деньги мне придется работать месяца два и довольно напряженно. «У здания нет предыстории» – я начинала уже понимать, к чему клонит Вадим. – И что там случилось?

– До нулевых не происходило ничего. Совсем ничего, если вы понимаете, о чем я. – Я кивнула. – По крайней мере, это я выяснил сразу, полазив по местным форумам, отзывам об экскурсиях и так далее. Посетителей туда пускали с нулевых и примерно до позапрошлого года, потом все обнесли забором, повесили таблички «опасно для жизни», так что нормальные гиды туда не суются, им неохота потом отвечать.

Помимо нормальных людей существуют и ненормальные.

– В парке видели призрака, – продолжал Вадим. – Даже фотографии есть, но, понятное дело, это блики, засветы и прочее.

Я опять кивнула. Ничто потустороннее не фиксируется, как бы людям того ни хотелось.

– На форумах тоже пишут про призрака, и гиды писали, пока экскурсии еще были легальными. «Если вам повезет» и все такое.

– Рекламный ход. Везло?

– Пара гидов не поскупилась на хорошего фотошопера. Старожилы, профили которых я посмотрел, где это было возможно – среди них попадались те, кто сам работал в этом санатории – смеялись и говорили, что это чушь. Умирали пенсионеры, кто-то тонул, но где не умирают и не тонут? Это тоже все можно проверить и поднять, я готов сказать об этом заказчику, но это бессмысленно.

Я многозначительно хмыкнула. Спрашивать, сколько Вадим уже занимается детективной работой, я не стала, но подход его был профессионален.

– Если кто-то призрака и видел, – поморщившись, добавил Вадим, – кто как я или вы… он молчит, разумеется.

Ну еще бы. Материалист не поверит, что существуют призраки, оборотни, эльфы, вампиры, что ему под нос ни сунь, а супранатуралист может крышей уехать и при меньших доказательствах.

– Новые владельцы раздобыли средства на восстановление особняка и наняли блогера, – проговорил Вадим, продолжая морщиться, словно тема была ему неприятна. – Я не знаю, кто этот парень… был. Скорее всего, обычный человек. Его задачей было сфотографировать объект, придумать легенду, в общем, все, что вы мне уже описали. Создать предысторию для сайта отеля. После первой вылазки он был в диком восторге, попросил еще два дня, ему дали, торопиться особенно некуда, пара дней ничего не решит, но он не вернулся.

Вадим тряхнул головой и, чтобы не быть голословным, полез в карман, вытащил телефон, открыл статью – и снова я оценила, что это была не публикация в прессе, а официальный сайт следственного комитета. Я быстро проглядела материал – Андрей Ломакин, индивидуальный предприниматель, фотограф, блогер, копирайтер – коллега! – пропал две недели назад, и тело его не нашли. Камера, которая висела на въезде, зафиксировала, как он вошел, ключи от ворот у него были, машина так и осталась стоять. Он зашел на огороженную территорию и исчез, прочесывание места поисковиками, полицией и сотрудниками МЧС не дало ничего.

– Даже если там есть призрак, – скептически сообщила я, возвращая Вадиму смартфон, – а в старых безлюдных зданиях их не бывает, за всю известную мне историю ни один призрак

не причинил никому вреда. Не известно ни единого случая, чтобы призрак убил человека. Они могут досаждать, но не больше. Они могут годами висеть у человека за спиной и спать рядом с ним на постели, но никто ни о чем не догадается. Этот Ломакин сбежал от долгов или от алиментов.

– Мои заказчики подумали так же. Но тогда Ломакин нашел неподходящий объект, потому что здание обнесено забором – бетонными плитами – и колючей проволокой поверху. Особняк обветшал и небезопасен, мои заказчики это хорошо понимают, там… люди серьезные. Оттуда нет выхода, кроме как через ворота с камерой, которая ведет постоянную трансляцию на пульт вневедомственной охраны. Они, кстати, уже не один раз ловили и задерживали туристов, которые намеревались туда пролезть. Опять же: заказчику важно узнать, что с Ломакиным произошло на самом деле. Поэтому…

Я замотала головой и подняла руки, выставив их перед собой.

– Вы же должны понимать, – процедила я раздраженно, – что я не охотник за привидениями. Все, что я могу, это увидеть этого чертова призрака, если он есть. Как и вы. Вы же на это способны? – Вадим не ответил и не кивнул, но вздохнул, наверное, утвердительно. – Тем более я не могу сказать, куда делся Ломакин. Если вы рассчитывали на карты таро… Ну, мое вам почтение. Я могу скататься туда за ваш счет за полмиллиона, но что вам мое присутствие даст? Что вы, черт побери, будете писать в договоре?

Меня очень нервировали две вещи. Первая: Вадим не стал бы искать меня или кого-то еще, не прижми его это так крепко. Не последнюю роль тут играло имя его заказчика. И вторая: такие сделки заключаются на честном слове. Он был готов отдать полмиллиона мне просто так.

– Я ничего не смогу сделать. – Мне хотелось помочь, не обязательно из-за денег. – Если ваш заказчик знает, кто вы… ну, я смогу подтвердить, что призрак действительно существует. Я даже могу попытаться его убрать, но ни один способ по-настоящему не работает.

Вадим положил обе ладони на стол, и я подумала, что ему не стоит так делать. Пусть у него, как у полукровки, отличия от рук человека были не так сильны, а люди не наблюдательны. Тонкие пальцы, как у музыканта, и почти одинаковой длины.

– Я был в этом санатории еще до того, как начал искать кого-то вроде вас, – глухо ответил Вадим. – Я не совсем человек и по идее должен быть менее восприимчив к таким вещам, но больше я не сунусь туда без настоящего профи.

Вот это звучало уже интересно.

– С этого момента давайте-ка поподробнее.

Глава 2

На лестничной площадке мигал свет и ощутимо несло тухлятиной.

– Баб Лель? – позвала я негромко, чтобы услышать меня могла только она. – Ты опять здесь?

Я поднялась еще на две ступени и остановилась, вспоминая, видела я хлебное крошево под окнами или нет, или пакеты с мусором, повисшие на поникшем кустарнике. Если и видела, то так привыкла к этому зрелищу за двадцать с лишним лет, что несмотря ни на что не удивилась.

Лампочка перестала мигать, я скрипнула зубами и начала подниматься. Хотелось выпить чай, шлепнуться с книжкой и перестать думать. Рассказ Вадима произвел на меня впечатление, особенно если учесть, какую работу он проделал, чтобы отделить зерна от плевел, суть байки от необъяснимого, и это ни черта ему не помогло.

Наверху раздалось ленивое шарканье, кто-то этажом выше провернул ключ в замке, потоптался, а я ждала, что будет. За дверью, рядом с которой я стояла, жила ласковая и настырная кошка, никогда не покидавшая подъезд, но всегда готовая сунуть нос в чужую квартиру и повыпрашивать вкусненькое. Все жильцы кошку знали, привечали и баловали, а потом, подхватив под брюшко, возвращали хозяину – старичку-учителю, который, даже открывая дверь, не прерывал урок.

Кошка, которая гуляет сама по себе, не появлялась уже с месяц.

– Баба Леля, только попробуй, – прошипела я себе под нос. Соседка – шаги были женские – быстро шла по лестнице, и от миазмов ее туалетной воды, купленной, видимо, «на разлив», дохли даже мухи в полете.

– Аня? – вздрогнула она, рассмотрев меня под мигнувшей лампой. – Ты чего тут стоишь?

– Наушник искала, – соврала я.

За Катериной, привычно перебираясь со ступеньки на ступеньку и тихо ругаясь, ковыляла баба Леля. Сначала две тяжеленные сумки, набитые непонятно чем, затем одна нога, потом вторая. Баба Леля поворачивалась, снимала сумки, ставила их ниже – одну, другую, спускалась сама. Никто не знал, что старая карга таскает в этих сумках туда-сюда, но бабу Лелю в принципе старались обходить стороной. Удавалось не всегда – она подкарауливала жильцов и, корча немощную старуху, просила то сходить в магазин, то посмотреть, что написали в квитанциях. Старожилы пробегали мимо, не оборачиваясь, разовые съемщики попадались в бабкины сети, и больше их никто не видел… ха-ха, несмешная шутка, но в единственной в доме коммуналке никто не задерживался. Баба Леля и в лучшие свои годы могла достать даже мертвого.

Я зазевалась и засмотрелась, и Катерина вздрогнула, обернулась. Баба Леля, которой до столкновения с Катериной оставалась пара ступенек, злобно забормотала ей в лицо неразборчивое.

– Опять кто-то мусор кидает из окна, – поделилась Катерина, морщась от вони и смотря на меня сверху через перила. Я уловила смрад через ее ядовитый парфюм, и даже баба Леля закашлялась и заплевалась. – Я думала, это Лелька, а значит, жильцы? Новых я видела, вроде люди с виду приличные.

Я промолчала. Те «приличные жильцы», о которых она говорила, съехали еще на прошлой неделе, комнату сдали алкашу, которому сам черт был не брат. Алкаш не просыхал, я лишь надеялась, что он не забудет выключить газ. Кидать из окна ему было нечего, разве что водочные бутылки.

Бабе Леле надоело ждать, она сжала кривоватую палку, найденную на помойке сто лет назад, и начала медленно ее поднимать.

– Нет! – крикнула я резко, баба Леля повернулась ко мне и ощерилась провалом рта, а Катерина пожала плечами:

– Ну нет так нет, что ты кричишь, я же их не обвиняю, мало ли, – испуганно проговорила она и поспешила вниз, я посторонилась, пропуская ее, потом решительно направилась на свой этаж.

Лестница была пуста, и нестерпимо воняло гнилью.

Зато в моей квартире пахло лавандой. Я бросила рюкзак на пол, скинула кеды, перевернула ароматическую палочку напитавшимся концом вверх, и дух Прованса поплыл успокаивающим облачком, а я поплыла раздеваться и ставить чай.

Любовь к травам в любом их виде привила мне бабушка, даже так – кофе я пила либо с утра, либо на работе, а дома предпочитала расслабиться. Пока бурчал чайник, я разделась, кинув футболку и худи в стирку, а джинсы предусмотрительно отправила в шкаф и только после этого включила лавандовый ароматизатор в комнате – и это снова не имело никакого отношения к тому, кто я есть. Я и людей встречала немало, обожающих запахи в квартире, а вот с одеждой приходилось быть осторожной, не то чтобы меня смущало, когда кто-то начинал чихать – обычная вежливость к окружающим.

В открытую форточку врывались юная несмелая ночь, шум машин на магистрали и пение птиц. Когда-то давно в нашем районе водились соловьи, но исчезли, а мне нравилось просыпаться и засыпать под их сумасшедшие трели.

На площадке хлопнула дверь, спустя полминуты остервенело грохнуло окно, и сосед с пятого этажа обматерил весь подъезд. Претензии его были обоснованы, окна открывали и зимой, и летом, и жильцы отапливали улицу, а в квартирах, чьи окна выходили во двор, образовывался жуткий сквозняк.

Я знала, кто распахивает окна, которые уже не первый год с изумительным упорством заделывали намертво работники управляющей компании, но говорить об этом соседу не собиралась. Не потому, что у него не выдержат нервы, но, скорее всего, он вызовет психиатрическую бригаду, а мне проблемы ни к чему.

Вдыхая яркую смесь горных трав, я забралась с ногами в кресло на кухне и взяла с подоконника книгу, но с трудом осилила пару страниц. Мысли возвращались к особняку Березиных, исчезновению блогера Ломакина и тому, что в итоге привело Вадима ко мне, и я признала: единственный способ избавиться от тараканов в голове – удовлетворить свое любопытство.

Я принесла ноутбук, подождала, пока он очнется, проверила почту – сплошная рекламная чушь, а могла быть и ночная работа – и открыла поисковик. Я не собиралась перепроверять информацию за Вадимом, как детектив он даст мне сто очков вперед, нет резона тягаться, но я могла найти что-то, что он по незнанию пропустил.

Я ничего не слышала об особняке, но оказалось, я его видела, и не однажды. Первая же статья выдала десяток фильмов, снятых в этих локациях, и особняк и парк того стоили. Сначала это был свойственный середине двадцатого века бравурный пафос с флагами и пионерами, а в конце девяностых в бывшем санатории «Солнечный» снимали атмосферный детектив про великого несуществующего сыщика конца девятнадцатого века, и я, просмотрев кадры, подумала, что мне искренне жаль.

Такие места должны оставаться полуразрушенными, захваченными в плен корнями и ветками, мрачными, таинственными, погруженными в туманное серое марево. Природа отбирала у человека нечто ему ненужное, превращая посредственность в шедевр, да, делая его опасным, но просто не надо тянуться за последним в своей жизни селфи. Замри, наводя объектив на застывший фонтан, где мох приодел полуголых нимф и вдохнул в них немного жизни, и узри совершенство.

Но люди – нельзя надеяться на людей, а значит, совсем скоро ничего не останется от развалин, деревьев и диких мхов, и проворный застройщик отгрохает новодел – точно такой же,

но надежный и удобный в эксплуатации. Через пару лет отдыхающие усеют парк, выровненный по линеечке, и работящий садовник будет собирать в аккуратные горки сухие листья, стричь траву и кустарники и втыкать на пустующие места красные и белые неприхотливые цветы.

Название фирмы, которая купила особняк, мне ничего не говорило, и я не полезла на сайт налоговой выяснять, кому принадлежит заброшенный санаторий. Я нашла фотографии, как территория выглядела теперь – Вадим не преувеличивал, новые владельцы не пожадничали и не поленились, восемь гектаров обнесли бетонными плитами, поверх пропустили колючую проволоку, и я подозревала, что и ток. Природа и тут насмехалась, запускала лохматые мшистые лапы, захватывала бетон и острый металл, а человеку оставалось облизываться. Социальные сети пестрели возмущениями разного рода, от утраченного шедевра до невозможности сделать свадебные фотосессии, гиды были единодушны и непреклонны: желающих лезть на закрытую территорию нет. Даже за деньги.

Может быть, рассеянно думала я, им предложили не так и много. Хотя Вадиму, как и Ломакину, собственники вручили ключ. Возможно, считали, что лицензия частного детектива дарует бессмертие.

История здания была неинтересной. Для своей уже стареющей супруги, сестры-старой девы и дряхлой тетки граф Березин выкупил склон горы и выстроил особняк, откуда все они и бежали в семнадцатом году, вовремя сообразив, что живым быть всяко лучше, чем мертвым. Авторитетные краеведческие источники уверяли, что граф погрузил на корабль все, включая мебель – в местном музее не было представлено ничего.

В двадцатых годах в особняке организовали приют для беспризорников, в годы войны и пару лет после был госпиталь, потом санаторий, а в начале восьмидесятых ведомство окончательно распрощалось с активом, сжирающим чересчур много средств. В особняк провели воду и электричество, но часть территории заливало с ноября по апрель, канализацию размывало, и ее приходилось переделывать каждые три-пять лет, а счета за электричество были сопоставимы с бюджетом небольшой латиноамериканской страны. Фонарные столбы снесли, водоснабжение перекрыли, и в девяностых живописный парк стал любимым местом отдыха горожан и обязательной локацией для свадеб. С развитием цивилизованного туризма жителей и невест вытеснили галдящие группы, и я, рассматривая фото, только хмыкнула: подобную толпу с фотокамерами я видела, пожалуй, в Венеции или Афинах.

Я не нашла ничего, что указывало хоть примерно на возможное появление призрака. Ничего, кроме пресловутого фотошопа. Но то, что видел Вадим и что его так напугало, без шуток…

Я прислушалась к звукам подъезда. Все соседи давно вернулись домой, рассосались пробки на эстакаде, птицы исполнили репертуар и распихались по гнездам, и какой-то нетрезвый мужик перестал вопить под окнами своей зазнобы. Теперь я слышала знакомые шаги, стук в дверные косяки, глухое ворчание.

С этим пора было в очередной раз кончать.

Я закрыла ноутбук, и пока выбиралась из кресла, шаги дошли до моей двери, кто-то тихо поскребся в обивку.

– Аня! Аня, ты дома? Открой!

– Старая стерва, – в сердцах проворчала я. – Достала.

Баба Леля разразилась ругательствами. Я широким шагом направилась обратно на кухню, ловя ее базарную брань. Пока я копалась в шкафу, на площадке открылась дверь, и я уже не стала медлить, схватила увесистую пачку, подбежала к двери и широко ее распахнула.

Катерина, щурясь, вглядывалась в мерцающий полумрак лестничной клетки.

– Ты чего? – недовольно спросила я, пряча пачку за спину. Баба Леля повернулась к Катерине, и я прекрасно различила могильный оскал.

– Баба Леля опять ходит, что ли? – неуверенно отозвалась Катерина. – Она бы уже помылась, воняет на весь подъезд.

Свет мигнул, Катерина, покачав головой, закрыла дверь, баба Леля обернулась ко мне, милый божий одуванчик, пустые беспамятные глаза ничего не выражали. Еще пара месяцев, и останутся одни глазницы, а запах тлена будет становиться сильнее и пропадет лет через пять.

Я вынула пачку из-за спины, начала демонстративно ее открывать, и если Катерина наблюдает за мной в глазок, сделает выводы.

Баба Леля умерла месяц назад, но достоверно знали об этом только тогдашняя жиличка, совладелец коммуналки, участковые врач и уполномоченный и я. Я удачно вернулась домой в момент, когда дверь квартиры была открыта и маячили белый халат и синяя форма. Остальные соседи были убеждены, что вздорная старуха отлежалась и по-прежнему шарится по подъезду. Ее никто не видел своими глазами, но – ее слышали.

– Анечка, а я вот что хотела, вот у меня телевизор не работает, – злобно, будто весь мир был ей должен, зашипела баба Леля, скаля остатки желтых пеньков. – Вот пойди посмотри, канал, который с кино.

Баба Леля была наглой, приставучей, неряшливой старухой, дважды чуть не отправившей весь подъезд к праотцам, и если при жизни я ее терпела, то сейчас терпение кончилось.

– Что ты все никак покоя себе не найдешь? – сквозь зубы сказала я. – Что ты все к людям лезешь?

Я щедро плеснула соль себе на ладонь. Моя бабушка регулярно гоняла от сарая всякую дрянь, она была сильным, опытным оборотнем из тех, кто кормился за счет колхозной скотины и кормил четверых детей, и мать говорила, что я переняла от нее то ли лучшую, то ли худшую черту – умение быстро решать задачи и не идти на компромисс.

– Пошла вон! – я размахнулась и швырнула пригоршню соли в нежить, баба Леля как раз неосторожно разинула смердящую тленом пасть, но я уже заскочила в квартиру и слушала затухающие хрипы. Завтра соседи увидят белую труху на полу и изобретут сотни теорий заговора. К черту.

Я была с Вадимом откровенна, как и он со мной. Избавиться от призрака невозможно, с ним можно научиться существовать. Ни один призрак не причинит вреда. Люди его не видят, но могут слышать – не голос, но шаги, стук, вздохи. Призрак уходит, когда уходят те, кто заставляет его думать, что он все еще жив.

В заброшенном здании, где охранников заменила равнодушная ко всему камера, призрака просто не может быть. И все же Вадим видел человека, который вбежал за девушкой в белом платье в распахнутую дверь старого особняка – и исчез. Как по волшебству. Был человек – и его не стало.

Быстрые ноги, весьма вероятно, спасли Вадиму жизнь.

Глава 3

– Погода мразь, – обронил Вадим, и я была вынуждена с ним согласиться.

Неладное мы почувствовали уже на подлете, когда заметили, что долго кружим вроде бы над одним и тем же местом. Заметил Вадим, хотя и сидел не у окна, и со знанием дела объяснил, что мы находимся в зоне ожидания, а это, как правило, значит – либо скопилась очередь на взлет или посадку, либо какое-то происшествие, либо погода устроила бунт.

Сели мы примерно через час, и болтыхало нас знатно. Пассажиры постанывали с перепугу, мужик за моим креслом громко, со вкусом причитал. Мы были чуть ли не единственные, кто сразу, взяв рюкзаки, направились к выходу, прочие ушатанной змеей потянулись к ленте выдачи багажа, и курортный город радостно приветствовал нас вспышками молний и ядреным грохотом.

Это была половина беды, к тому же мы не ушли на запасной аэродром – мы были просто счастливчиками. Печаль явилась в ливневых дождях, зарядивших без остановки на пару суток, и мы проторчали в отеле в обнимку с ноутбуками и чашками кофе. Я не сказала бы, что это было потерянное время, наоборот, мы смогли убедиться во многих предположениях, многие версии отмести и приступить к поискам пропавшего Ломакина абсолютно во всеоружии.

Активно работающие гиды, как мы и предполагали, убрали особняк Березина из всех программ, немногочисленные ссылки вели на старые экскурсии. Вадим с завидным упорством запрашивал гидов насчет особняка, сулил неплохие деньги, но ответы мы получали одинаковые и однозначные: нет, нет, нет. Никто не хотел наживать себе проблем.

Никто не погибал ни в заброшке, ни в парке, и ни одна легенда из тех, что гуляли по сети, не имела под собой оснований, хотя парочку крипипаст я отметила как очень перспективные с точки зрения воздействия на эмоции читателей. Понимая, что написана полная чушь, я все равно прониклась и даже оставила «гостевой» комментарий – мне нетрудно, автору приятно.

Исчезновение Ломакина не то что наделало шума, скорее породило еще парочку городских легенд, но в целом никто не заморачивался. Всегда, в каждой ветке обсуждений, находился голос разума, а то и не один, и веско заявлял, что ни топикстартеру, ни комментаторам никто из властей ничего не докладывал, все это домыслы и с большей вероятностью блогер Ломакин либо загорает где-нибудь на Мальдивах, забив на работу, либо зависает с девушкой, либо в больнице лежит. Мы добросовестно прочитали тему Ломакина на сайте поисковиков, но те не распространялись ни о чем, кроме скупого «найден» или «поиски остановлены» – как в нашем случае, так что в сети мы зашли в тупик и с чистой совестью отправились на место, едва погода решила передохнуть.

Мы жили в одном номере, но двухкомнатном: я бесцеремонно заняла двуспальную кровать, Вадим устроился на раскладном кресле. Образ сладкой парочки устраивал и отельеров, и нас, и наших заказчиков, хотя я была не уверена, что их мнение спрашивали. В местном прокате мы взяли знавший лучшие времена внедорожник и теперь припарковали его на той самой площадке, где Ломакин оставил свою машину. Кажется, даже на том же месте.

Я признала, что – да, локация живописная, и возмущение местных жителей наплывом чужаков я понимала. В столице туристы околачивались обычно там, куда жителям в голову не приходило соваться – Красная площадь, ГУМ и Большой театр, ну еще метро. В метро я готова была их терпеть, но если бы толпы с фотокамерами набежали в мой любимый уютный парк возле дома, я бы протестовала.

С другой стороны, в сезон здесь самое разумное – зарабатывать, а не толкаться среди оравы туристов там, где зарабатывают в это время другие. Особняк окружала свежая бетонная стена, но люди уже и на ней успели отметиться, и я разглядывала броские надписи: «Гена я тебя

не навижу изменщик!», «Буржуи – дерьмо» и «Всегда свежие ягоды, доставка, круглосуточно, Василиса».

– Вот Василиса молодец, – похвалила я. – Не могу не одобрять такой подход к делу. Ну что, пойдем, пока ливень не начался?

Вадим гремел увесистой связкой. Ему выдали, по его словам, «ключ», но в реальности это были несколько здоровенных ключей и даже электронные карты, вероятно, не только от забора, но и от помещений. Я нашла взглядом камеры, улыбнулась, помахала рукой, а охрана, наверное, подумала, что мы отсюда тоже не вернемся. Вадим возился с замками – однако, и электронный ключ, и обычный. Наконец калитка лязгнула, Вадим кивнул мне, и я, шлепая по лужам, подошла к вратам тайны.

Поразила тишина. Закрылась за нами калитка, пискнул электронный замок, и мы оказались совершенно одни, отрезаны от мира, среди вековых деревьев, дорожек, заросших мхом, и запаха застоявшейся влаги, как на болоте.

– Здесь действительно что-то есть, – пробормотала я растерянно, когда мы прошли метров двести и я смогла убедиться, что не слышу ни птиц, ни звериную мелочь, которым тут благодать. – Нет живности, значит, есть призрак. Да не смотрите на меня так, я вас не разыгрываю, – добавила я с некоторой обидой. – Знаете старую примету – в новый дом пускают кошку?

Вадим кивнул. Смотрел он серьезно, и я почему-то подумала – нечасто я встречаю людей, которые не включают в таких разговорах скептика. К Вадиму не полностью применимо определение «человек», в этом все дело.

– Объяснений гуляет масса, но плевать, кого впустить – кота, собаку, хорька, да хоть крокодила, правда, пойди пойми, что у крокодила на морде написано… Животные видят призраков, ведут себя соответственно. Кстати, у многих потому питомцы и сбегают постоянно, – разглагольствовала я негромко, пытаясь разогнать жуть. Я не боялась, но чувство было иррациональное, неприятное, как паническая атака. – Жаль, что пока мы копались в интернете, не посмотрели, были ли в парке люди с животными.

– Это вы не посмотрели, – с преувеличенной скромностью сообщил Вадим, а я, чтобы не ощущать себя ничтожеством, напомнила себе, что он частный детектив и многим даст в розыске фору. – Тьма фотографий с животными, и чувствуют они себя совершенно нормально. А вот в чем вы правы – мне нужно еще раз поднять все эти форумы и фото и посмотреть, в каком году фотосессии и животными прекратились. Это легко, в курортных местах всегда тусят фотографы с разной дичью, так что по ним можно будет определить, когда появился призрак.

На лоб мне упала смачная капля, я с опаской взглянула на небо. На парк наползали тучи, но пока не выглядели так, словно собирались смыть нас с лица земли. Низкие, угрюмые, седые, они цепляли верхушки деревьев, и те пытались стряхнуть их с острых маковок. Где-то высоко болталась выцветшая тряпка, и меня она заинтересовала настолько, что я стащила бейсболку и рюкзак, вручила это все обалдевшему Вадиму и с бесшабашной ухмылкой объявила:

– Наверное, для этого вам и нужен был оборотень. Не теряйте присутствия духа, я не сорвусь, если только в меня не всадят пулю.

– Серебряную? – озабоченно пошутил Вадим, заботливо обнимая рюкзак.

– Чушь, любой хватит, – фыркнула я. – Но это не руководство к действию, а забота о вашем душевном здоровье.

Черт знает, как называлось это дерево, сосна – не сосна, елка – не елка, голый ствол и метрах в трех над землей редкие противные колкие ветки, но тряпка висела на нижних, я рассчитывала сильно не ободраться. Я подошла, обхватила ствол руками и ногами, мысленно простилась с любимыми джинсами и полезла наверх.

– Оборотни разве медведи? – поинтересовался Вадим, подходя ближе, я прекратила подъем и свесила к нему голову.

– Да… мы и сами не знаем, на кого больше похожи, – я бы пожала плечами, но поза была неудачная. – Жеводанский зверь, слышали? Вот по картинкам ближе всего, очень точно нарисовали, неудивительно, что люди шарахались. Нет, если вам интересно, что там было на самом деле, я вам, когда спущусь, расскажу, идет?

По стволу я влезла довольно легко, но потом пришлось схватиться за ветку и, перебирая руками, подлезть к тряпке, а затем на ветку сесть. Время тряпку не пощадило, и я поняла сразу, что это, но слезать без трофея было досадно, поэтому я распутала узел, сунула тряпку в карман, так же обстоятельно спустилась с дерева и с ехидной усмешкой протянула добычу Вадиму.

– К нашему делу она не имеет никакого отношения. Узнаете, что это такое?

– Пионерский галстук? – изумился Вадим и взял у меня из руки выцветший галстук своими безупречными музыкальными пальцами. – И вы за ним полезли? Я восхищен.

Я была польщена, но не подала виду. С одной стороны приятно, когда тебе делают комплимент, с другой – это совсем не твоя заслуга.

– Как он туда попал? – Вадим задрал голову, задумчиво оценил проделанный мной путь. Возможно, прикидывал, смог бы он так же. – Его оборотень подвесил? Даже если деревья в те времена были гораздо ниже, то все равно высоко.

– Откуда я знаю? Деревья были намного ниже, ну а мальчишки – они такие. – Я припомнила пару эпизодов из детства. Мне за них было стыдно до сих пор. – В школе я всех пацанов «на слабо» выводила. От родителей потом здорово попадало. У нас чувство равновесия не такое, как у людей, и тело сильнее, а смешно, что в фэнтези приписывают оборотням черт знает что, видимо, лазить по деревьям не романтично. А галстук, согласитесь, пережил столько лет…

Мы какое-то время разглядывали галстук, потом я выкинула его в ближайшую урну. Я заглянула туда – пустая, новые владельцы вычистили всю территорию.

Ломакина искали добросовестно и силами не десятка человек, но поиски проходили так аккуратно, что следы недавнего пребывания здесь кучи людей я находила, только задавшись такой целью: отпечатки ботинок, поломанные ветки, примятые мхи, впрочем, я ничего не знала о поисках, и, вероятно, никто никогда не ломился через лес, как слон через посудный рынок.

– Пионеры пионерами, – рассуждала я, и впереди уже виднелся особняк, светился между деревьями и кустами. – Обратили внимание, какая тут чистота? Сразу можно сказать, что людей не бывает, ни окурка, ни бумажки… – Я остановилась, вытащила телефон, сделала пару снимков: пейзаж был отчаянно прекрасен, удержаться не было сил, но таким слабостям я всегда потакала. – Вы мне так и не объяснили, что именно вас напугало. Вы видели, как кто-то вбежал в открытую дверь, и разве вы до этого никогда не видели призраков?

Вадим таращился на облака, не видя в них ничего для нас доброго, я же предпочитала не думать, что могу вернуться в отель мокрая как мышь, иначе можно дойти до того, что начнешь размышлять, что вообще живой не вернешься… Вопрос этот я задавала Вадиму уже не единожды, каждый раз он ловко соскакивал, но сейчас, перед тем, как мы окажемся перед особняком, я собиралась его дожать.

– Если я и сейчас уйду от ответа, вы ведь с меня не слезете, – ответил Вадим медленно и настолько неуверенно, что я могла бы решить – он лжет или недоговаривает. – Я не знаю. Бывает, что находит иррациональное чувство жути на ровном месте. В собственной ванной будто кто-то стоит за спиной, или висит над головой в темной спальне и набросится. Воображение? С чего?

Я пожала плечами, потому что слышала такое от людей и никогда не рассказывала, что фантазия может выглядеть сама по себе крайне мерзко, и их счастье, что они не в состоянии ее рассмотреть. Порождения, как их называла бабушка, нередко сочетали в себе несочетаемое, и было невозможно понять, чем оно было при жизни. В квартире у одноклассницы обитало отвратного вида нечто – то ли птица с телом обезьяны, то ли двухлапая обезьяна, покрытая перьями, небольшая, размером с ворону, она зависала на потолке и противно шипела. Крылья

ее всегда были прижаты, шея вытянута; несколько раз, пока никто не видел, я пыталась от нее избавиться, но стоило наведаться в гости через пару дней, как эта дрянь встречала меня агрессивным шипением, словно проклинала.

Тварь бесила только меня, жильцы ее не замечали. Путями долгих расспросов я выяснила, что когда-то в квартире жил старенький голубятник, и даже голубятня его еще торчала во дворе развалившимся скелетом, но отчего в квартире поселился такой гибрид – черт знает. Я не подозревала мирного старичка в каких-то адских экспериментах.

– Прозвучит глупо, – продолжил Вадим после паузы, – но мне показалось, если я задержусь здесь хотя бы на секунду, мне конец.

Он ковырял носком ботинка землю, как провинившийся школьник, и я, сама того не ожидая, отзеркалила его жест.

– Не так глупо, как вы полагаете… Недавно в нашем подъезде скончалась вздорная бабка, так вот, до сих пор соседи считают ее живой, потому что не все знают о ее смерти. – Я подняла голову, встретилась с непонимающим взглядом Вадима и как можно спокойнее объяснила: – Свежий призрак производит много лишнего. Шума, запахов. Вы можете не отдавать себе отчет, как и обычный человек, но странность не в этом. Здесь нечего делать призракам, будь то девица в платье или же кто-то еще.

Нечего делать, но зверья нет, а это почти гарантия. Почти, потому что скотина привыкала от безысходности к такому соседству, хотя я знала парочку случаев, когда свиноматка в гневе разносила сарай. Коровы и козы были куда смиреннее и со временем переставали в присутствии призраков ошалело мычать и блеять, а вот куры кудахтали нервнее обычного и разом переставали нестись.

– Здесь же никто не умирал, – добавила я и в собственном голосе услышала отчаяние, – считайте, что мы это установили. Пойдем посмотрим. Да, а дверь. Вы говорили, что дверь в особняк была открыта, когда внутрь вбежал парень за девушкой. А теперь она закрыта?

Вадим кивнул, мы шли по тропинке молча, готовясь сами не понимая к чему, и вот особняк предстал перед нами во всей красе – несмотря на недоверчивость по отношению к «старине», при довольно твердой позиции «не все старинное есть ценное», я признала, что дом Березиных был если не памятником архитектуры, то действительно любопытным строением, и лучше бы ему было долгие годы медленно умирать именно таким – покинутым, таинственным и зловещим.

Ни фото, ни старая кинопленка не передавали, насколько он вписывался в природу. На самом деле наоборот: это природа в него вписалась, превратила в шедевр, живописно украсила сочными пятнами мха, пустила по стенам вьюнки и трещины. Время застыло, деревянные рамы покосились, но уцелели, стекла были местами выбиты – ливни, град, ветра и ветви деревьев их не пощадили, нижние этажи заколотили досками – и очень давно, когда закрыли санаторий, чтобы люди не совали носы и прочие не лишние части тела куда не надо. Никто не пытался выбить доски – как непохоже на людей! – и мхи с вьюнками надежней любых замков сковывали почерневшее дерево и растрескавшиеся кирпичи.

– Мебель делают из опилок, а доски и заборы – из дерева, – невпопад хохотнула я. – В какую дверь они забежали?

Вадим указал на единственную дверь – других вариантов и не имелось. Когда-то ее покрасили белой краской – в те времена, когда красили все, что могло быть окрашено в принципе, а сейчас о рвении руководства санатория говорили лишь скукожившиеся в крошечные свитки желтые ошметки. Я подошла ближе, рассмотрела крыльцо, саму дверь, повернулась, с недовольной миной покачала головой.

– Если вдруг увидите что-то за моей спиной, хоть кивните… Дверь открывается наружу, замка в ней нет, зачем тогда вы таскаете столько ключей? Вы здесь были не так давно, и это вы частный сыщик, не я, какие выводы?

Вадим не двигался, ближе не подходил, зрение у него было острое – меткость эльфов вымысел, хотя черт знает, может, никто не учил их стрелять из лука, но в среднем эльфы, как и оборотни, не теряли зоркость на протяжении всей жизни. Мне показалось, он досадует, но еще я не верила тому, что он не увидел этого раньше. Значит, просто мне не счел нужным сказать.

– Мох и растительность повреждены, я это вижу, – стараясь сохранить голос ровным, сказал Вадим. Мои полунамеки-претензии ему не нравились, и это было по-человечески понятно, меня бы тоже взбесил подобный наезд. – Дверь открывали, спасатели так точно, напрасно вы удивляетесь, вы же помните, что территорию прочесали вдоль и поперек не по одному разу. На чем вы пытаетесь меня подловить?

До этих слов ни на чем не пыталась.

Глава 4

Следы на крыльце оставила поисковая группа. Призраки, черт их побери, не могут распахивать двери. Версия небезынтересная и небесспорная: клюка, сумка, хоть сундуки с золотом – часть самого призрака, каким мы его помним или же представляем. Разные люди рядом с одним и тем же призраком в одно и то же время могут увидеть разное, возможно, Вадим видел то, что вообразил.

Ни подтвердить, ни опровергнуть мою гипотезу было некому.

Мы осторожно пробирались по стылому, пропахшему сыростью, солью и птичьим пометом зданию, сильнее всего опасаясь гнилых досок и плохо держащихся кирпичей. Не так давно здесь шастали люди – в заброшках легко понять, что кто-то наведывался, по еле заметным признакам. Потревоженный прах мертвого здания – материя тонкая, даже чересчур.

– Наверх поднимались спецы МЧС, – остановил меня Вадим у лестницы. – Мне кажется, стоит им доверять. Вы спрашивали про ключи, они в основном оттуда, от верхних комнат. Все кабинеты администрации закрыты, я интересовался почему – а просто потому что замки работают до сих пор и что бы не запереть. Мне отдали ту же связку, которая была у спасательной группы.

Перила с лестницы то ли сняли, то ли украли – кто разберет, заброшенные здания всегда страдают от человеческой алчности, и мне казалось, что разоренные дома помнят каждого, кто вырвал у них кусок плоти. Защищая себя, они скалились черными проемами окон на любого, кто приближался, но эта заброшка пока что присматривалась к нам.

– А лестницам доверять не стоит, – согласилась я, относительно удовлетворенная его ответом. Но лишь в части связки ключей. – Давайте расставим все точки над «i» – я не подозреваю вас ни в чем, но кое-что мне не нравится, и нам лучше выяснить все до того, как мы наделаем тьму ошибок. Вы уверены, что видели парня, который вбежал за девушкой в белом платье именно в эту дверь? Открытую дверь?

Мой вопрос звучал обидно, и я восприняла долгое молчание Вадима как немой упрек. На крыше скопилась влага и теперь просачивалась сквозь щели, здание словно дышало и само было как призрак. То ли живое, то ли нет. Потом померещилось, что стучат старые ходики, и я вздрогнула, но это какая-то птица далеко отсюда долбила, зараза.

– Я понимаю, насколько это…

– Странно, – подсказала я, рассчитывая, что зарождающийся конфликт мы таким образом уладим.

– Нет, – резко перебил Вадим. – Противоречиво. Пожалуй, – он опять помолчал, – именно эта дверь и была причиной того, что я так испугался.

– То, что должно быть таким, как мы привыкли, но вдруг оказалось не таким, пугает больше всего?

Я смотрела в пыльное стекло. Снаружи оно было грязнее, чем изнутри, об этом позаботилась цивилизация; я была убеждена, что если проведу пальцем по внешней стороне окна, то соберу всю таблицу Менделеева. Я отошла от лестницы, заглянула в дверной проем. Большое светлое помещение с высокими потолками, когда-то здесь была библиотека, а может быть, красный уголок, а какое назначение задумывал архитектор – кто знает.

Накрапывал дождик, и редкие капли оставляли на стекле четкую мелкую печать. В здании пахло забытым временем – его закрыли на сто замков, я потянула носом, и мне почудилось, что даже едкий больничный запах еще висит в законсервированном воздухе, и потягивает из кухни пресной пригорелой рисовой кашей.

Жаль, что скоро этой прекрасной тайне настанет бесславный конец. Жаль, что ничего нельзя с этим поделать.

– В детстве у меня был сосед по подъезду, – нехотя проговорил Вадим, смотря не на меня, а на остатки росписи на стене: пионер с горном дует в ухо пограничнику с медведем на поводке. – Добрый дядька, веселый… Он, даже когда напивался до скотского состояния, вреда никому не причинял. Не скандалил, не дрался, шел домой со стеклянными глазами и ложился спать. Но как же я его пьяного боялся – если видел, бежал подальше со всех ног. Не знаю почему, он так годами пил, никогда и ни у кого с ним не было никаких проблем, лет через пять после нашей первой встречи я уже мог бы сообразить, что ничего он мне не сделает.

Я размеренно кивала, понимая, о чем он. Прояснять это я не бралась, но эмоции были знакомы. Парализующая жуть, иррациональная настолько, что страшно больше от того, насколько она необъяснима. Вадим так и стоял на месте, я обходила по периметру небольшой зал и ничего, конечно же, не находила, как ни всматривалась. Ничего, кроме оброненной зажигалки. Я подняла ее, показала издалека Вадиму. На ней были изображены потертая елочка, символ года по восточному календарю и две последние цифры нынешнего года.

– Еще работает. Кто-то из спасателей выронил. Думаю, бесполезно, мы ходим около часа, призрак бы показался за это время, будь он здесь. Ему и так тоскливо, а толпа, которая искала Ломакина, проходила, наверное, сквозь него не один раз. Представляю, как он был разочарован…

Я сунула зажигалку в карман, Вадим указал кивком на выход, и я поплелась за ним.

– Если Ломакин жив, в каком случае он увидел бы призрака? – спросил Вадим.

– Если он такой же, как мы, – ответила я, не раздумывая. – Это напрашивается, это азбука, но есть и еще версии. Когда вы его видели, он был жив и бежал за девушкой – но это вам так казалось, на самом деле…

– Он просто вбежал в здание? И куда он потом делся?

Вадим резко остановился на пороге и обернулся. С улицы в затхлость дома врывался свежий воздух, но смрад умершего особняка так легко не сдавался, выталкивал свежесть обратно, а мне захотелось вытолкнуть Вадима, чтобы больше не дышать этой пылью времен.

– Возможно, – буркнула я. Ломакин исчез с порога – мне самой хотелось исчезнуть, кто бы объяснил почему. – Он мог не бежать за кем-то, а убегать от кого-то. От вас, если он вас заметил. Тогда объясняется открытая дверь. – И не объясняется ничего больше. – Тогда надо искать, как Ломакин мог покинуть территорию, потому что… господи, да выпустите меня из этого склепа! Потому что камеры, забор и колючая проволока, потому что я точно так же, как вы, доверяю работе полиции и МЧС. Они не могли пропустить ни труп, ни спрятавшегося человека. Я скажу больше: я думаю, что есть некий лаз и через него до сих пор проводят туристов.

Я быстрым легким шагом направилась по тропинке к бетонной ограде. Вадим вышагивал за мной, не спрашивал ни о чем, и я полагала, что он в своем деле достаточно профи, чтобы не проговаривать ему очевидное.

Мы не нашли в сети никаких предложений турфирм, но ни один гид никогда не признается, что водит туристов на закрытую территорию. Этот санаторий не первый и не единственный, где бродят сталкеры, камеры можно вычислить и постараться их обойти, а в социальных сетях куча групп, куда можно попасть только по приглашениям и только по ручательству надежных людей.

– Если мы обнаружим лаз, придется бросать все и отправляться в полицию, – с досадой вздохнул Вадим, и я безразлично дернула плечом – полиция так полиция. – Такая у меня с ними договоренность. Нас никто не обвинит в проникновении, мы здесь легально. Но им нужно будет еще раз обследовать все и убедиться, что либо труп Ломакина вытащили, либо он сам каким-то образом вылез. Это бесславно завершит нашу миссию, породит тьму вопросов к нам и скорее всего не отыщет Ломакина, но такова процедура.

Настала моя очередь остановиться и наградить его снисходительным взглядом. Вадим долго стоял и хлопал глазами, пока не вспомнил.

– Вы же тоже…

– Да-да, – ухмыльнулась я и сложила руки на груди. – Даже обидно, что у вас такая короткая память на мое высшее образование, вышло, что я получала его совсем уже зря. Будьте оптимистичнее, если мы найдем лаз, это будет уже кое-что, особенно если следом за лазом найдется труп и будут установлены причина и время смерти. Заодно можно будет рассказать дознавателю про ваш прошлый визит, умолчав, конечно, о призраках, но кто знает, вдруг вы и в самом деле застали сталкера. На нем же не написано, Ломакин он или нет. Не то чтобы полиции это жизненно важно, но, может, они захотят найти тех, кто регулярно ходит туда, куда их не приглашают.

Мы пошли дальше. Безлюдная территория казалась огромной, под сенью сосен было мрачно, того и гляди выскочит какая-то тварь и протянет к нам лапищи, и меня подмывало или громко разговаривать, или свистеть, или лупить по кустам первой попавшейся палкой – производить любой привычный мне шум, потому что тишина давила могильной плитой на мою крепкую в общем-то психику.

– Вы не знаете, какая птица тут ночами орет? «Уху-у, уху-у», – передразнила я. – Точно не сова, я проверяла. Специально искала вопли сов.

– Кольчатая горлица, – без запинки отозвался Вадим. – Ага, голубь. У нас в городе они хотя бы не такие крикливые.

Я кашлянула. Пожалуй, это была самая потрясающая информация за последние несколько лет и отгадка тайны, которая терзала меня годами, с тех пор как я впервые с родителями попала на юг, но разочарование было так велико, что лучше бы я и дальше маялась неизвестностью.

Вадиму мой удрученный вид понравился.

– Если Ломакин жив, я ему оторву голову, – сквозь зубы пообещала я. А я смогу, сил у меня хватит, и Вадим тревожно на меня покосился – я шучу или мне сам черт не брат, когда я злая. – Если он мертв, то вы видели сразу двух призраков, и тогда у нас вопросы к двери нараспашку и к трупу, который никто не нашел. А ведь труп должен подавать признаки своего существования, за две-то недели, но здесь не пахнет разложением. Давайте думать, где проход, почему его не обнаружили ни полиция, ни МЧС, ни поисковики, которые отлично натасканы на подобные вещи. Тут кругом бетонный забор, камеры, колючая проволока. А еще, если я верно помню то, что читала про санаторий, его затапливало, но пока мы идем, я не заметила ни единого болотца. Насколько хорошо вы разбираетесь в том, какие растения не переносят влагу?

Есть вещи, которые не принято спрашивать у людей, а есть вопросы, которые не принято задавать тем, кто людьми в полном смысле этого слова не является. Мне было безумно интересно, сколько Вадиму лет, и почему за всю свою долгую по человеческим меркам жизнь он не заинтересовался биологией, хотя про горлицу знал. Он был отличным детективом, в чем я уже успела убедиться, но в ботанике понимал ровно столько же, сколько я – в сопромате.

Мы обходили территорию и уверялись, что ни единая мышь не проскочит – никак. Мы искали и лаз в заборе, который могли упустить полицейские и спасатели, и заболоченные участки, но утешились только обнаруженными под толщей листвы ливневками. Пролезть в них могла крыса или даже некрупный кот, но мы не видели тут ни тех, ни других.

Безлюдье, беззверье.

Все камеры мы замечали – я специально высматривала, Вадим на мои выкрики беззлобно бурчал, что видел подробную карту и камеры охватывают всю территорию, «слепых зон» практически нет. Я все-таки технике настолько не доверяла, учитывая разросшуюся растительность.

– Ливневки очень старые, – Вадим присел и раскидывал листву наспех подобранной палкой. – Но с задачей справляются. Похоже, что когда отсюда съехал санаторий, их опять стало хватать.

– Опять?

Под ногами чавкало, сильно пахло прелью, даже гнилью, вода застаивалась и выходила из желобов, превращая палую листву и ветки в свою добычу. Я отошла и отерла кроссовки о траву.

– Да им больше века, – Вадим поднялся, отбросил палку и отряхнул руки. – Видите кирпичи? Первый хозяин этих мест обо всем позаботился. Здесь же были сплошные болота. Потом ливневки укрепили и забетонировали, – он постучал по краю кроссовком, я услышала характерный глухой звук. – Этим их сузили, но сейчас и такой ширины достаточно.

Небольшое подтопление – следствие недавних проливных дождей, через пару дней все подсохнет. Новым владельцам придется дренажную систему раскапывать и переделывать, чтобы не гулять по любезно оставленным предшественниками граблям, но это уже не моя головная боль.

– Куда эти желоба, интересно, ведут?

Мы потащились удовлетворять свой интерес и предсказуемо дошли до забора. Как раз до той части, которая уцелела с давних времен – конечно, сейчас с внешней стороны стояла бетонная плита, а прямо на ней среди завитков колючей проволоки красовалась и подмигивала нам красным глазком всевидящая камера, – но все равно от древних красных кирпичей веяло стариной.

Я помечтала – как будет здорово, если этот участок оставят как есть. Вьюны будто знали какую-то тайну и охотно делились ей – листья чуть шевелились, нашептывая, и удивительно умиротворяюще журчала вода. Слив проходил под старым забором, после его прокопали еще метра на три вперед, до ограды санатория, ныне на этом участке снесенной.

Я не выдержала, вытащила телефон и сделала несколько фотографий. Всегда хотелось поймать красоту, она так скоротечна, и пусть эти горы и это море переживет всех и вся, люди успеют везде приложить руку. Никто не сохранит эпоху на память, в остатках забора нет ничего, подлежащего государственной охране.

Вадим деликатно ушел из кадра, не стал мешать, я оценила его манеры. Ну или он был так же расстроен, как и я – мы в тупике, и никакого решения не находилось.

– Анна? – услышала я и выпрямилась, все же сфотографировав в макрорежиме красивый лист с застывшей капелькой воды. И словно в подтверждение моих слов о тщете всего сущего капля тут же стекла бесследно. – Анна, идите сюда.

Таким тоном обычно предупреждают о чем-то существенном. Я, поскальзываясь, обогнула забор, Вадим указывал на какие-то пожухлые тряпки.

– Вот это уже не похоже на след, оставленный взятыми «на слабо» пионерами, – подозрительно скупо заметил он. – А что это?

Больше всего «это» походило на сгнившее новогоднее украшение из тех, что вешают на двери домов. В нашей стране они не прижились, лично я полагала – они напоминают венки, кому хочется с порога превращать свой дом в ритуальное агентство.

– Венок? – пробормотала я, подходя ближе и рассматривая зеленые тряпичные ветки на кирпичной стене.

Их прикрепили намертво, на века, металлический штырь, вбитый между кирпичами, давно проржавел, но выполнял задачу безукоризненно. Переплетения мокрых тряпок, облезшая позолота, стертая надпись, поникшие, растрепанные неживые цветы.

– Это определенно венок. Траурный. – Я повернулась к Вадиму, осененная внезапной догадкой, но озвучить ее было непросто, и она могла оказаться таким же фальшивым следом, как и все прочие. – Знаете, что это такое? Кенотаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.